

р 38
Рп/23116

АЛЕКСѢЙ РЕВИЗОВЪ.

ЗА * СВЯТУЮ *
* РУСЬ *
ДУМЫ О РОДНОЙ
ЗЕМЛѢ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
«ОТЕЧЕСТВО»

АЛЕКСѢЙ РЕЦЕНЗОВЪ.

ЗА * СВЯТУЮ *
* РУСЬ *
ДУМЫ О РОДНОЙ
ЗЕМЛѢ.

ИЗДАНИЕ СЪЮРИСТА
«ОТЕЧЕСТВО»

«ОТЕЧЕСТВО».
Б. Болотная, 10.

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ.

Николаю Константиновичу Рериху.

Видю три свѣчи на родной землѣ.

Первая свѣча нескорая въ подземельѣ у лютаго
чернаго пороха, — грозная, за святую Русь и Москву
сожгла.

— Эй, подкопщики, зажигальщики, вашъ часъ на-
сталъ!

Воску яраго свѣча затеплилася...

А вторая свѣча скорая въ чистомъ полѣ въ крас-
номъ шатрѣ передъ Спасомъ заступающимъ —

— Помилуй насъ!

Третья свѣча — страшной огонь — въ сердцѣ святой
Руси милосердой, скорбѣющей за весь міръ.

За святую Русь помилуй насъ!

1914 г.

НИКОЛИНЪ ЗАВѢТЬ.

Народное сказаніе.

За Онегой — гремучимъ моремъ жилъ одинъ богатый мужикъ сильный, да своихъ не трогалъ и отъ народа честь ему шла, Филиппомъ звали. Была у него семья большая — и всѣ сыновья на войну пошли воевать, и остался онъ со старухой, да невѣстки съ ними.

И случилось на Николу, лежитъ Филиппъ ночью, раздумываетъ — и праздникъ пришелъ, престолъ въ ихъ селѣ, а отъ сыновей ни слуху! — и стало ему смутно, не до сна, и жалко. И слышитъ онъ среди ночи звонъ. Прислушался — или вѣтеръ? — нѣтъ, звонили въ колоколъ. Всталъ Филиппъ и пошелъ изъ двора, разбудилъ стариковъ.

— Слышали, — говоритъ, — что?

— Да, — говорятъ, — въ колоколъ ударили.

Пошли къ церкви. А ночь была крѣпкая, да такая свѣтлая — звѣзды, какъ птицы,плыли изъ конца въ конецъ, бѣлыя надъ бѣлой землей. Подошли къ колокольнѣ, смотрятъ — на колокольнѣ нѣтъ никого, а звонитъ... разъ пять ударило въ колоколъ.

Вызвался Филиппъ, дай самому развѣдать. Поднялся на колокольню и видитъ — стоитъ подъ колоколомъ старикъ, такъ нищій старикъ, ни руками, ни ногами не двигнетъ, а колоколъ звонитъ.

— Ты кто? — спрашиваетъ нищій старикъ.

— Я Филиппъ съ Николиной тропы, а ты кто?

А старикъ только смотритъ, да добро такъ, милостиво:

„Филиппушко, молъ, аль не признаешь?“

У Филиппа духъ захватило, сложилъ Филиппъ руки крестомъ.

— Прости, — говоритъ, — ты меня, Никола угодникъ Божій... и зачѣмъ ты звонишь ночью?

— А звоню я, — говоритъ угодникъ, да сталъ такой грозный, — я звоню, потому что крещеные грѣшатъ, часа не помнятъ, землю свою забываютъ. За землю всякому пострадать надо. А имъ бы только чаю, кофію попить. Ступай и скажи, пусть всѣ знаютъ, а не то я на нихъ наказаніе пошлю.

— Не повѣрятъ, коли словами скажу, — сказалъ Филиппъ, онъ стоялъ передъ угодникомъ, руки крестомъ сложены.

— Повѣрятъ! — сказалъ угодникъ Божій и благословилъ милостивый Никола итти Филиппу къ народу по землѣ родимой, — за землю всякому пострадать надо.

Филиппъ хотѣлъ протянуть руку, а рукъ не разжать.

Крестомъ сложены руки, такъ сошелъ съ колокольни и рассказалъ, что видѣлъ и слышалъ и что съ нимъ стало: крестомъ сложены руки.

А на утро по обѣднѣ Филиппъ простился съ домомъ, со старухой. Всѣмъ міромъ проводили Филиппа. И пошелъ онъ изъ родного погоста мимо избъ осиротѣлыхъ по дальнимъ широкимъ страднымъ дорогамъ, укрѣпляя народную думу, силу и вѣру — пострадать за родимую землю.

НИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ—УГОДНИКЪ БОЖІЙ.

Народное сказаніе.

Въ лапоткахъ сѣденькій, съ посохомъ ходитъ Никола, угодникъ Божій, по русской землѣ.

Безъ него, какъ безъ рукъ — не поднять полевая работа: обойдетъ онъ межи, выведетъ къ солнцу буйное жито, поправитъ яровые зеленые всходы, покроетъ травой обогрѣтую землю, и гдѣ вымокло, тамъ подсушить, и гдѣ высохло, тамъ дождемъ польетъ. А осенью въ грязь подъ холоднымъ дождемъ по труднымъ осеннимъ дорогамъ... тамъ телѣга увязнетъ, тамъ лошадь не вытащишь, какъ безъ него? — на все надо помощь. Все, что сиро и слѣпо, одному ему видно, попроси — выручитъ, милостивый, Спаса умолитъ, самага Илью умилостивитъ.

Такъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню съ Волги рѣки на Москва-рѣку, съ Волги рѣки на Поморье, съ Поморья въ Сибирь — весну, лѣто, осень и зиму ходитъ Никола, нищелюбецъ, странно-пріимецъ, вѣчный странникъ, вѣчный труженикъ, чудотворецъ, заступникъ за родимую русскую землю.

Жилъ одинъ бѣднякъ, Иваномъ звали, не велико у него было хозяйство, земли немного, и жизнь нелегкая, одинъ, какъ перстъ, безъ семьи остался, да не возропталъ Иванъ, принялъ Божье, и все, бывало, пѣсни поетъ, такой веселый.

Разъ пашеть Иванъ поле, пшеницу сѣеть. Разсѣялъ, пашеть, за собой борону возить, самъ пѣсни поеть, и уперся концомъ въ дорогу. А по дорогѣ два путника: сѣденькій одинъ съ посохомъ, другой не старъ, не младъ, грозный.

Илья говоритъ Николѣ:

— Что это, Никола, человѣкъ-то больно веселый, поеть?

— Да видно, кони у него, слава Богу, ходять, нужды не знаетъ, вотъ и поеть.

Поровнялись путники.

— Богъ помощь тебѣ, Иванушка!—сказалъ Никола.

— Добро пожаловать, старички любезные!—снялъ Иванъ шапку.

А Илья и говоритъ:

— Что больно весель?

— Что мнѣ не веселиться! Лошадки ходять ничего, а мнѣ больше ничего и не надо, только бы батюшка Никола угодникъ пшенички зародилъ.

Пошли странники своей дорогой. Шли святые по полямъ, по раздолью весеннему.

Говоритъ Илья Николѣ:

— Что этотъ сказалъ? Развѣ пшеницу ты родишь? Вѣдь, не ты? Эту я премудрость творю.

— Какъ его судить,—заступился Никола,—человѣкъ простой, гдѣ ему знать про такое!

— Ну, ладно-жъ, я ему урожу пшеницу, по колѣна будетъ, и градомъ прибью!

И уродилъ грозный Илья великій такую пшеницу, посмотришь, душа не нарадуется.

„Вотъ урожай! Вотъ Богъ счастье послалъ, Никола угодникъ помиловалъ, хлѣба-то будетъ, дѣвать некуда“.

Вечеромъ вышелъ Иванъ, сталъ за околицей, пѣсни поеть. И видитъ, по вечернему полю идетъ старичекъ сѣденькій съ посохомъ.

— Добро жаловать, дѣдушка.

Жаль Николѣ бѣднягу: все, вѣдь, прахомъ пойдетъ.

— Слушай, Иванушка, ты пшеницу продай!

— Какъ же такъ,—оторопѣлъ Иванъ,—такую хорошую! Да и что за такую просить?

— Проси, сколько хочешь, все дадутъ. Смотри же, продай!—и пошелъ.

Иванъ послушалъ и продалъ пшеницу: сладилъ ее богатый сосѣдъ за сто рублей.

И не кончился день, какъ возмыло тучу большую, какъ ударить, съ громомъ прошла гроза, градомъ побило пшеницу—какъ ножемъ, весь хлѣбъ срѣзало.

По разоренному полю идетъ Никола, а встѣчу Илья.

— Посмотри, что я сказалъ, то и сдѣлалъ, вотъ оно поле Иваново!

— Нѣтъ, не Иваново,—сказалъ Никола,—пшеницу онъ продалъ, это поле Гундѣево. Праваго ты разорилъ, то-то, чай, плачетъ.

— Ну, такъ поправлю я ниву,—поправилъ Илья,—онъ отъ этой громобойной пшеницы двадцать сотъ нажнетъ съ десятины.

Къ ночи приходитъ Никола подъ окно къ Ивану: жалко ему бѣднягу, не къ рукамъ добро достанется. А Иванъ угоднику молится, что того старичка надоумилъ такой совѣтъ подать. И какъ увидѣлъ, обрадовался, просить на ночлегъ остаться.

Нѣтъ, Николѣ не время,—путь ему дальній.

— Купи назадъ пшеницу-то.

— Да, вѣдь, она, дѣдушка, больно побита.

— Ничего, купи. Скажи, что на кормъ скосить годится. Въ убыткѣ не будешь.

Поблагодарилъ Иванъ старичка и чуть свѣтъ къ сосѣду откупать назадъ пшеницу. А тотъ, несчастный, радъ радехонекъ,—бери хоть даромъ!—да за полцѣны и отдалъ. Отдалъ и прогадалъ, несчастный.

Откуда что взялось, пшеница пошла и пошла, и такой уродился хлѣбъ высокій, да частый, а колось

полный, такъ и гнется, такъ къ землѣ и гнется—золотая нива, благодать!

И въ страду много нажалъ онъ сноповъ и выжалъ всю, двадцать сотъ нажалъ.

Въ полѣ встрѣтилъ Никола Илью: грозный, весело смотреть.

— Вотъ у кого я градомъ убилъ, тому и уродилъ, онъ ее и выжалъ совсѣмъ.

— Да, тотъ, кто посѣялъ, тотъ и пожалъ! Вѣдь пшеницу-то Иванъ назадъ купилъ.

— Какъ такъ купилъ...

— Такъ и купилъ!—и рассказалъ Ильѣ Никола, какъ богатый сосѣдъ Гундѣевъ въ несчастѣ за полцѣны Ивану громобойное поле отдалъ.

— Такъ я жъ ему умолоту не дамъ!

И пошелъ—гроза!—какъ гроза.

Не оставилъ Никола бѣднягу, въ ночи пришелъ подъ окно. Куда сонъ,—не знаетъ Иванъ, какъ отблагодарить ему гостя.

— Молотить будешь,—училъ старичокъ,—сади на овинъ, да не помногу, по пяти сноповъ: въ углы по снопу поставь, пятымъ окошко заткни.

Такъ сказано, такъ и сдѣлано. Долго Иванъ молотилъ и все обмолотилъ: со снопа по пудовкѣ сошло.

Со снопа по пудовкѣ!—да такого умолоту съ роду не бывало.

По закромамъ, по клѣтямъ, по набитымъ амбрамъ дознался Илья и не дай Богъ!—еще слава Богу, что Никольщина близко.

— Ладно, повезетъ на мельницу, я ему примолу не дамъ!

И не далъ. Повезъ Иванъ на мельницу три пудовки молотъ, смололъ, а осталось двѣ. Куда третья? А не знаетъ, что Илья взялъ.

Раздумывалъ бѣдняга и придумать ничего не могъ.

Въ ночи старичокъ постучалъ подъ окномъ. Обрадовался Иванъ и все ему рассказалъ про напасть.

— Вотъ что, Иванушка, испеки ты изъ этой муки пшеничной два пирога, да съ молитвой посади. И ступай съ ними къ обѣднѣ: одинъ положи себѣ на голову—это Ильѣ великому, а другой подъ правую пазуху—это Николѣ угоднику.

Вотъ на Николу, раннимъ утромъ, когда еще звѣзды не всѣ погаснули, вышелъ Иванъ по морозцу въ церковь къ обѣднѣ. По дорогѣ странникъ ему навстрѣчу—не старъ и не младъ, грозный.

— Куда пирожки-то несешь?

— На головѣ—батюшкѣ Ильѣ великому, а подъ правой пазухой—Николѣ угоднику!—сказалъ Иванъ.

И какъ услышалъ Илья отвѣтъ мудрый, умирился и пересталъ грозить.

И съ той поры зажилъ Иванъ безъ опаски, двѣ пудовки весь годъ бралъ и не убывало—Николинъ даръ милостивый.

Милостивый нашъ Никола, гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ!

Скажи Спасу о нашей тяжелой страдѣ, умири ильинскій огонь!

Заступи, защити русскую землю!

Благослови русскій народъ великимъ благословеніемъ своимъ на новую грядущую жизнь!

1914 г.

ПОЛОННОЕ ТЕРПѢНІЕ.

С. П. Ремизовой-Довелло.

1.

На курячій шагъ отъ русской границы, когда оставался какой-нибудь часъ пути, насъ, душъ триста русскихъ, выгнали изъ вагоновъ и погнали на другую платформу.

Съ напиханными ручными чемоданами тащились мы, какъ попало, черезъ пути на другую платформу.

Говорили, что паспорта будутъ провѣрять и послѣ провѣрки отправятъ въ Россію, говорили также, что, кромѣ провѣрки паспортовъ нашихъ еще осматривать будутъ багажъ и опросятъ, откуда и зачѣмъ человекъ ѣдетъ, и, если найдутъ, что попалъ въ нѣмецкую землю по надобностямъ, отпустятъ въ Россію, а если такихъ причинъ не окажется... Но дальше не договаривалось: невысказано было, чтобы такихъ причинъ не оказалось, и въ этомъ у всякаго была полная и твердая увѣренность.

Тѣсно окруженные солдатами, мы стояли на платформѣ у своихъ чемодановъ, вѣруя въ исходъ благопріятный—вернуться въ Россію.

И вдругъ:

— Въ Россію ѣхать невозможно, дальше не поведутъ!

Ошарашенные, не вѣря словамъ, стояли мы, не двигаясь.

А съ разныхъ концовъ перелетало:

— Не повезутъ! Мосты разрушили, пути испорчены!—и падало на голову беспощадно и безысходно.

И когда понята была вся невозможность вернуться, никто, однако, не согласился принять ее, и, сдвинувшись съ мѣста, всѣ затѣснились къ дверямъ, гдѣ стоялъ офицеръ, объявившій такую невозможную, недопустимую вѣсть.

Неужто невозможно?

— Русскіе взорвали мосты,—дошло отъ той двери, гдѣ стояло начальство и распоряжалось.

„Ну, что бы,—подумалось,—подождать немного, ну, пропустили бы насъ, а тамъ и взорвали“!

Еще не обтерпѣлись, и всякій вздорный вражескій слухъ принимался за чистую монету.

Простая русская баба съ лицомъ безвозрастнымъ, нянька, съ двумя сонными дѣвочками и большимъ сундукомъ не трогалась съ мѣста.

— Повезутъ, — стояла она на своемъ, — небось, повезутъ.

Проталкиваться некуда было, у дверей стояли часовые, ихъ и можно было спрашивать, но они ничего не могли отвѣтить, какъ одно и все то же о взорванныхъ мостахъ.

— Русскіе взорвали мосты, дальше не повезутъ!

Никто не глядѣлъ ни впередъ, ни назадъ, глядѣли въ землю на свои чемоданы, волей-неволей принимая подневольную участь.

И вдругъ:

— Въ десять поѣздъ уходитъ въ Берлинъ, желающіе могутъ ѣхать!

Въ Берлинъ! Назадъ? Ёхать теперь?

И тѣ, кто присѣлъ, покорившись, и тѣ, кто еще не сдавался, всѣ передвинулись.

— Ни за что! — такъ выговорилось въ одинъ го-

лось,—лучше тутъ переждать, пѣшкомъ пойдемъ до границы, не надо намъ Берлина!

— Скорѣе берите билеты въ Берлинъ! — шныряли перепуганные и растерянные.

Подымаются чемоданы: можетъ и вправду лучше ѣхать въ Берлинъ?

— Лучше ѣхать въ Берлинъ,—уговариваютъ несогласныхъ,—тутъ уморятъ, а тамъ ужъ какъ-нибудь.

И теперь только за деньгами дѣло. Русскія деньги у всѣхъ есть, а нѣмецкихъ много-ль наскребешь, русскія деньги не принимаютъ и не мѣняютъ, безъ денегъ въ Берлинъ не проберешься.

— Дайте мнѣ десять марокъ! — хватаетъ незнакомаго знакомый.

— А мнѣ пять.

— Мнѣ только двухъ не хватаетъ.

— Всѣ останутся тутъ, въ Берлинъ нельзя ѣхать! — объявляетъ начальство.

Чемоданы опускаются: всѣ останутся тутъ. И какъ это можно было подуматъ, чтобы ѣхать въ Берлинъ, конечно, лучше тутъ, чѣмъ опять въ Берлинъ.

— А тутъ насъ посадятъ въ крѣпость.

— И пускай, и хоть на цѣпь сажаютъ, а все-таки ближе къ Россіи.

— Повезутъ,—стоитъ на своемъ нянька, она съ узелкомъ возится: дѣти ѣсть просятъ,—небось, повезутъ!

— Мосты разрушены, пути испорчены! — повторяется безнадежное.

„А можетъ, все это одна выдумка, и на самомъ дѣлѣ и мосты цѣлы, и пути не испорчены“?

— Всѣхъ повезутъ въ Россію? — объявляетъ начальство.

Въ Россію! Въ нашу Россію!

Побросавъ чемоданы, всѣ срываются съ мѣста и толкуются къ дверямъ, гдѣ стоитъ офицеръ, объявившій благую, желанную вѣсть.

— Когда же, когда въ Россію?

Какая-то молодая женщина съ русскимъ открытымъ лицомъ—сама Россія наша, громко заплакала.

— Да вѣдь мы ѣдемъ въ Россію! — утѣшаютъ ее.

— Мы ѣдемъ въ Россію! Въ дорогую нашу Россію!—громко говоритъ она и смотритъ сквозь слезы туда, гдѣ граница и наши поля раздольныя и нашъ лѣсъ частый и наша дебрь глубокая, туда къ сердцу Россіи—къ Москвѣ.

Какъ-то неловко примостившись на ручныхъ чемоданахъ, тихо, жалобно плачетъ барышня.

— Меня тутъ оставляютъ, меня никто не возьметъ съ собой!—и бесполезно дѣлаетъ усилія, чтобы подняться, а встать не можетъ.

— Я васъ не оставляю! — говоритъ та, что отъ радости заплакала.

— Что съ ней?

— Ноги отнялись.

— Когда же повезутъ насъ въ Россію?

— Слава Тебѣ, Господи, въ Россію!—я положилъ свой ручной чемоданъ,—единственное уцѣлѣвшее достояніе мое, сокровища римскія: камушки съ Форума и отъ Петра апостола, и сталъ пробираться къ двери, очень пить хотѣлось. И когда добрался до двери, въ вокзалъ—въ буфетъ не пускали. Оказывается, отпущенные на всѣхъ насъ, на триста душъ, какіе-то четверть часа, о которыхъ я ничего не слышалъ, прошли, и двери заперли.

„Ничего не подѣлаешь,—думаю,—видно, потерпѣть придется“!

— А нашъ багажъ?—спросилъ кто-то.

— Послѣ войны получите,—сказалъ солдатъ.

— Сожгутъ!—сказалъ другой.

— Какъ сожгутъ?

Но солдатъ ничего не отвѣтилъ: такое ли время, чтобы о багажѣ разсуждать,—усатый, какъ котъ.

— И Богъ съ нимъ, съ багажемъ, только бы са-

мому-то живу остаться!—сказалъ какой-то съ продавленной соломенной шляпой.

— Когда же въ Россію?

— Скоро ли отправятъ насъ въ Россію?

— Когда въ Россію?

Не стоялось на мѣстѣ, всѣ передвигались, только барышня та, у которой ноги отнялись, сидѣла на чемоданахъ, но ужъ не плакала,—ее не оставляютъ.

— Въ полдень объявятъ! — передалась вѣсть отъ запертой двери.

— Въ Россію! Въ дорогую нану Россію!

2.

На вокзальномъ дворѣ, куда согнали насъ съ платформы, размѣстились мы у своихъ ручныхъ чемодановъ подъ открытымъ небомъ въ ожиданіи полдня, когда повезутъ насъ въ Россію.

Насъ оцѣпили солдаты, и никуда не выйти, не пройти изъ цѣпи.

— Кто пойдетъ въ городъ, того разстрѣляютъ.

— Кто пойдетъ въ буфетъ, того разстрѣляютъ.

Сиди смирно, жди и терпи!

И самые нетерпѣливые и самые безпокойные понемногу затихли, и только Ира, съ бѣлыми косками дѣвочка, никакъ не могла уgomониться.

— Что сказалъ офицеръ? — вертится Ира, заглядывая въ глаза матери.

— Офицеръ, дѣточка, сказалъ, потерпѣть надо!— говоритъ невесело мать своей бѣлокоскѣ, — скоро и поѣдемъ.

— Когда поѣдемъ?

— Послѣ обѣда.

— Я, мамочка, ѣсть хочу.

Насталъ полдень. Скоро ли поѣдемъ? Нетерпѣливо ждали распоряженій. Или и еще подождать придется?

Да, подождать придется: лишь въ три часа выяснится, когда повезутъ насъ въ Россію.

— Кто пойдетъ въ городъ, того разстрѣляютъ.

— Кто пойдетъ въ буфетъ того разстрѣляютъ.

Сиди смирно, жди и терпи.

На глазахъ у насъ приходятъ и уходятъ поѣзда: одни съ границы, другіе къ границѣ, везутъ солдатъ и призывныхъ.

— Мамочка, а какъ этотъ Берлинъ называется?

— Алленштейнъ.

— Алленлейнъ, — тянетъ дѣвочка, — а что сказалъ офицеръ?

— Потерпѣть надо, дѣточка.

Изъ города къ станціи подходитъ народъ, разряженный по воскресному.

„И у насъ, поди, всѣ разрядились, — думаю я, глядя на любопытныхъ, разряженныхъ, проникающихъ черезъ цѣпь на насъ поглазѣть, — у насъ нынче Ильинъ день!“

Закрапаль дождь, не ильинскій, рѣдкій: этотъ скоро пройдетъ.

„Этотъ скоро пройдетъ, а у насъ нынче громъ гремитъ, катитъ грозный Илья по небесамъ въ колесницѣ!“ — и вспоминаю крестный ходъ въ Москвѣ, крестные хода въ нашу Ильинскую церковь.

Три часа прошло и четыре, и пять, а распоряженій все не было.

Въ шестомъ часу у вокзальной загородки появился фертоватый солдатикъ и какимъ-то изнѣженнымъ картавющимъ голосомъ и какъ-то насмѣшливо объявилъ отъ начальства, что въ Россію ѣхать безнадежно.

— Въ Россію ѣхать безнадежно! — повторилъ солдатъ распоряженіе.

— Что сказалъ офицеръ? — безпокойно допытывала Ира.

Но ей мать ничего не отвѣтила. И никто ничего не отвѣчалъ, и ужъ не спрашивали, спрашивать нечего было, разъ безнадежно.

— Въ Россію ѣхать безнадежно!

Любопытнаго народу все больше и больше, одни останавливались за охранныю цѣпью, другіе проникали за цѣпь и стояли возлѣ чемодановъ нашихъ, всякіе: и молодые, и старые,—молодые люди съ тросточками и сигарами, нарядныя барышни, кумушки и дѣтвора. И одни только смотрѣли на насъ, какъ на звѣрей въ звѣринцѣ, другіе же держались вольно, беззастѣнчиво и нескромно разсматривая насъ и зубоскаля.

Неужто насъ тутъ оставятъ на ночь? Не вѣрилось, а приходилось согласиться.

Мать съ тремя дѣвочками примащивалась на ночлегъ. У дѣтей былъ не по-дѣтски сосредоточенный взглядъ, и отъ этого взгляда недѣтскаго некуда было схорониться.

Неужто и ихъ оставятъ тутъ ночь ночевать?

Насъ, душъ триста, и среди насъ много дѣтей и больныхъ женщинъ, и стариковъ, всѣ мы не на войну вышли: большая часть возвращалась съ курортовъ. Съ утра, какъ выгнали насъ изъ вагоновъ, прошло времени не мало, послѣднія силы поистратились, и ужъ боль и немогота подняли свои жалобы.

— Былъ я у турокъ въ плѣну,—разсказываетъ красивый старикъ изъ военныхъ,—но такого не видѣлъ, вѣдь тутъ дѣти и больные, развѣ такъ можно?

И самъ онъ совсѣмъ больной кутался въ пледъ, и жена его едва держалась, перемогая открывшуюся боль.

Барышня, у которой отнялись ноги, лежитъ на чемоданахъ съ закрытыми глазами, и та, что не покинетъ ее, сидитъ въ ногахъ молча, терпѣливая, гордая Россія. А вокругъ любопытные.

— Важная русская дама!—говоритъ какой-то и лѣзетъ къ ней съ сигарой совсѣмъ къ лицу.

А поѣзда все приходятъ и уходятъ: одни съ границы, другіе къ границѣ, везутъ солдатъ и призывныхъ. Призывные проходятъ какъ-то не глядя,—должно быть,

не легко было подняться: тамъ домъ и семья остались, да и хозяйство насиженное. А солдаты ничего,—влѣзъ въ зеленую шкуру и совсѣмъ ничего, смотреть — защитникъ отечества!—только какъ-то не по мѣркѣ, не чета начальникамъ, у тѣхъ все словно кованно.

Съ какимъ-то вызывающимъ гудкомъ подкатываютъ къ станціи изукрашенные флагами автомобили съ военными, и вся разряженная толпа шарахается, какъ отъ пожарныхъ, и опять собираются, все тѣснѣе и ближе подходятъ къ намъ на даровое зрѣлище.

Не сидится на мѣстѣ, я все хожу, все слушаю и смотрю, заглядываю въ глаза любопытныхъ, насъ разсматривающихъ, какъ звѣрей въ звѣринцѣ, перехожу отъ тросточки съ сигарой къ бантику и кружевцамъ, отъ развязныхъ кавалеровъ къ хихикающимъ барышнямъ.

Сквозь солдатскую цѣпь и толпу любопытныхъ протиснулась старая старуха, стала и смотреть: что она видитъ?

— Бабушка,—говорю ей,—неужели среди дѣтей твоихъ и внуковъ никого не найдется, ну, хоть одного, у кого бы сердце пожалѣло. Я не о себѣ, я какъ-нибудь... я все претерплю, я вотъ о нихъ, ты посмотри, вѣдь, это все больные, и вотъ эта Ира, дѣвочка бѣлокоска, какъ же такъ можно, такъ безучастно смотрѣть и смѣяться? Бабушка, я знаю среди твоего народа есть великія имена и святые и ты, ты, можетъ, не знаешь, я скажу тебѣ, въ Великомъ Устюгѣ у насъ, на святой Руси, это далеко отсюда, еще дальше, за Москвой, жилъ великій угодникъ праведный Прокопій, высній подвигъ принявшій Христа ради, онъ отъ земли твоей онъ нѣмецъ родомъ.

Старуха покачивала сѣдой головой, шурилась, все разсмотрѣть хотѣла сквозь сумракъ вечерній, и что она видѣла?

— Бабушка, тутъ недалеко на нѣмецкой же землѣ есть городъ Вѣна, тамъ соборъ стоитъ св. первому-

ченика Стефана, въ соборѣ есть икона Матери Божьей, передъ ней свѣчи горятъ, много свѣчей и со свѣчами горитъ моя свѣча за всю русскую землю. Бабушка... ты слышала о святой Руси?

На минуту старуха подняла глаза и какъ-то явственно посмотрѣла и мнѣ показалось, что она видитъ кого-то, узнала и вотъ скажетъ...

Новые приходили изъ города, проталкивались, тѣснили другъ друга, оттѣснили ребятишекъ, загородили и старуху.

И вдругъ меня осѣнило.

— Карлъ Иванычъ! Гдѣ тутъ Карлъ Иванычъ?—сказалъ я достаточно громко, такъ что всѣ слышали, — Карлъ Иванычъ?

Я вспомнилъ нашего учителя Карла Иваныча, того самаго Карла Иваныча, съ которымъ начались наши первые уроки и прошли послѣдніе экзамены. Вѣдь, Карлъ Иванычъ долженъ былъ гдѣ-нибудь тутъ находиться, гдѣ-нибудь въ заднихъ рядахъ что ли, и если бы зналъ онъ, а онъ узнаетъ, что тутъ творится, онъ обязательно сдѣлаетъ имъ замѣчаніе, вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ! И не можетъ быть, чтобы нашъ добрѣйшій Карлъ Иванычъ остался безучастнымъ.

— Карлъ Иванычъ!

Толпа заволновалась, раступались, пропуская кого то черезъ цѣпь къ намъ, прижавшимся къ своимъ чемоданамъ. Я думалъ, комендантъ. Нѣтъ, оказалось, штатскій въ цилиндрѣ.

· Пасторъ,—сказалъ кто-то.

— Пасторъ,—обрадовался я,—пасторъ!—и что-то отъ нашего Карла Иваныча показалось мнѣ въ знакомомъ лицѣ его.

Обращаясь къ намъ и толпѣ любопытныхъ, пасторъ отъ волненія едва могъ выговорить слово.

— Русскіе,—сказалъ онъ,—русскіе сдѣлали попытку взорвать мостъ, но, къ счастью это не удалось, и

все-таки погибло триста нѣмцевъ и пятьдесятъ русскихихъ.

— Русскіе, русскіе... триста нѣмцевъ погибло!

Говорили громко, заговорили еще громче.

— Да за это разорвать мало!—сказала какая-то женщина, она это такъ сказала отъ всего своего возмущеннаго сердца.

— Русскіе, русскіе... — передавалось недобро съ конца въ конецъ.

Пасторъ едва переводилъ духъ, лицо его вздрагивало.

... Я дамъ вамъ воды и хлѣба,—едва выговорилъ онъ къ намъ обращенныя слова и пошелъ черныи сквозь темную толпу.

А какой-то, тоже въ цилиндрѣ, его спутникъ, обернувшись, крикнулъ:

— Ночлегъ вамъ будетъ отведенъ въ мѣстномъ гимнастическомъ обществѣ, больныхъ помѣстятъ въ больницу.

... Что сказалъ черныи офицеръ, мамочка, что онъ сказалъ? Ира, перепуганная, прижалась къ матери, словно спасаясь отъ кого-то.

— Насъ накормятъ, дѣточка, а потомъ и спать ляжешь!

Солдаты иодвинули насъ вглубь двора, и со всѣми уцѣлѣвшими своими чемоданами перетаскились мы къ улицѣ. Какіе-то люди принесли большія корзины съ хлѣбомъ и ушатъ съ водою и еще какіе-то свертки, — свертки съ колбасою, какъ узналъ я вскорѣ.

Я стоялъ поодаль, вплотную съ низкимъ сквознымъ заборомъ, унизанномъ любопытными, я стоялъ съ тѣми, кому нельзя было пить сырую воду—раздавали въ чашкахъ сырую воду, и ѣсть колбасу. Очень было тѣсно, но и въ нашъ, со всѣхъ сторонъ стиснутый кругъ, набирались съ воли любопытные и толкались, мѣшая тѣмъ, кто ѣлъ и пилъ пасторскую жертву. Голодь далъ себя знать, и былъ большой шумъ вкругъ воды и корзины съ хлѣбомъ.

И когда все было съѣдено, какой-то человекъ, обходя по рядамъ съ пустой корзиной, выкрикивалъ:

— Десять пфенниговъ! Десять пфенниговъ!

И бѣлые пфенниги сыпались въ корзину,—каждый клалъ свою жертву за хлѣбъ и воду, и колбасу.

И я подумалъ:

„А пасторъ, должно быть, все напуталъ, и о убитыхъ нѣмцахъ, и о русскихъ!“

И еще подумалъ:

„Какъ же это такъ, научились люди и безъ коврасамолета на аэропланахъ летать подъ облаками, а не сберегли сердца, застыло и духъ померкнулъ!“

И мнѣ хотѣлось крикнуть туда, на мою родину, на святую Русь— донесетъ ли вѣтеръ мой зовъ на святую Русь моимъ братьямъ и сестрамъ,—чтобы крѣпко берегли свѣторусскій завѣтъ, берегли святую Русь, милость и пощаду,—залогъ побѣды.

Ждали, когда поведутъ на ночлегъ, еще вѣрили, что гдѣ-то въ гимнастическомъ обществѣ отведено помѣщеніе, и что больныхъ помѣстятъ въ больницу. Но вотъ откуда-то съ переднихъ рядовъ отъ одного къ другому шопотомъ пошла ходить вѣсть.

Всѣхъ повезутъ въ Россію, передавайте тихо!

И, передавая тихо одинъ другому, тихо подвинулись мы на старыя мѣста. Но когда это сбудется, въ Россію повезутъ насъ, долго-ли еще ждать намъ,—никто не зналъ. Только желалось, а потому и вѣрилось, что скоро.

— Сначала обещутъ, потомъ и повезутъ.

— А мосты?

— Всѣхъ повезутъ.

Ира больше не спрашивала. На кулачкахъ своихъ, какъ-то вздрагивая, беспокойно спала она, и двѣ коски ея, какъ усталыя опущенныя крылышки, спускались къ землѣ. И тутъ же въ корзиночкѣ спали ея игрушки: всякіе зайцы.

Потребовали выдать оружіе.

Но никто ничѣмъ не отозвался: какое могло быть у насъ оружіе!

Поминутно освѣщаемые рефлекторомъ, мы стоимъ у своихъ чемодановъ плечо-въ-плечо, готовые по командѣ всякую минуту тащить свои ноши къ вагонамъ. Въ заднихъ рядахъ начался обыскъ. Я для безопасности развернулъ мои римскіе камушки съ Форума и отъ Петра апостола: безъ завертки они совѣмъ маленькіе и непримѣтные; жду своей очереди, да врядъ ли дождусь,—очень ужъ долго копаются. Часъ за часомъ идутъ, а намъ нѣтъ распоряженій, и ужъ ночь.

Съ границы подъѣзжаютъ переполненные поѣзда. Выбѣгаютъ изъ вагоновъ на-смерть перепуганные, и глаза ихъ такіе огромные отъ ужаса и какой-то огонекъ горитъ въ нихъ, люди бѣгутъ съ непомѣрными непосильными тяжестями на плечахъ, все простой народъ.

— Эйдкуненъ подожди! Эйдкуненъ горитъ!—говоритъ кто-то.

— Изъ Эйдкунена бѣгутъ.

И другіе, новые подъѣзжаютъ поѣзда, а люди тѣ же, на одно лицо, гуськомъ бѣгутъ съ тѣмъ же ужасомъ и огонькомъ въ глазахъ, согнутые до земли подъ непомѣрными, непосильными ношами.

Въ нашу партію вбѣжали три женщины и глаза ихъ были, какъ у тѣхъ, и огонекъ горѣлъ... Онѣ опустились на землю, тяжело дыша.

— Стрѣляютъ, тамъ стрѣляютъ!

— Гдѣ стрѣляютъ?

Онѣ—русскія, хотѣли перейти отъ Эйдкунена въ Вержболово, пошли и вернулись.

— Стрѣляютъ, тамъ стрѣляютъ!—повторяли онѣ, мотая головой, словно какой-то страшный сонъ отгоня прочь.

— А какъ же насъ повезутъ?

И намъ тоже итти отъ Эйдкунена?

И на минуту: „А не лучше ли остаться тутъ?“— эта мысль охватываетъ и самую упорную мысль и твердую: „вернуться“.

— Богъ милостивъ, —обнадеживаетъ кто-то—какъ-нибудь перейдемъ!

Полночь. Любопытныхъ нѣтъ больше, послѣ зрѣлища диковеннаго, поди, спятъ всѣ, обнаженные, сладкимъ сномъ. Одни солдаты стоятъ на караулѣ.

Какъ во снѣ, не сочинишь про такое, и какъ сонъ, не передашь.

Привидѣніями кажутся въ этой ночи солдаты въ каскахъ, прикрытыхъ чехлами. А за ихъ мертвенной цѣпью—тѣ съ огромными отъ ужаса глазами, и огонекъ въ глазахъ.

За-полночь. Смѣнились солдаты. Еще мертвенный цѣпь ихъ. И пѣтухъ не поетъ. И нѣтъ просвѣта.

Какъ во снѣ, не сочинишь про такое, и какъ сонъ, не передашь.

— Спи, Ира, спи, рано еще тебѣ видѣть такіе сны, спи пока, твой ангелъ хранитель сохранитъ тебя!

3.

Чуть забрезжило, предутренній свѣтъ ознобомъ пошелъ по спинѣ, потушили рефлекторъ, а насъ, за ночь позеленѣвшихъ, вывели съ вокзальнаго двора, заперли по товарнымъ телячьимъ вагонамъ, и поѣздъ съ курьерской быстротой помчался.

-- Въ Россію?

— Въ Данцигъ.

Насъ везли къ Данцигу, такъ сказали намъ солдаты, когда закрывали вагонъ.

Въ темнотѣ размѣстившись по лавкамъ—насъ было душъ тридцать въ вагонѣ—дремали. Кто-то заснулъ.

Только двѣ польки въ бѣлыхъ бумажныхъ платкахъ выли.

— Не надо плакать, всѣ доѣдемъ!—утѣшала ихъ та, что заплакала отъ радости, когда объявили вѣсть о Россіи,—всѣ поѣдутъ въ Россію.

Но польки безутѣшны. Одна грудью кормила, и малый ея хлопецъ голодный плакалъ. Ихъ схватили на границѣ, мужа ея забрали, а ее съ сестрой заперли въ этотъ телячій вагонъ, обѣщая доставить въ Варшаву, и вотъ мчатъ въ Гданскъ.

Поѣздъ мчится безъ остановокъ.

И ужъ когда сталъ день и бѣлымъ большимъ своимъ свѣтомъ черезъ чуть пріоткрытую дверь освѣтилъ нашъ вагонъ, поѣздъ остановился. Вагонъ раскрыли, три солдата вскочили къ намъ—двое стали по бокамъ и одинъ въ середкѣ.

— Кто посмотритъ,—сказалъ солдатъ,—того застрѣлятъ!

И поѣздъ тронулся, медленный, по долгому крѣпостному мосту.

Солдаты то и дѣло брали на прицѣлъ, мѣтя въ кого то, кто могъ быть тамъ, за мостомъ, а третій, лицомъ къ намъ, цѣлился въ насъ.

И отъ стука ружей сверлило въ ушахъ.

Я сидѣлъ какъ разъ противъ солдата и, хоть наклонилъ голову, чтобы не смотрѣть—кто посмотритъ, того застрѣлятъ!—я помимо воли моей правымъ глазомъ видѣлъ красную кирпичную крѣпость, крѣпостной мостъ, солдатъ на мосту, пулеметы и дуло ружья.

Какая-то дѣвочка, оказавшаяся сзади меня, забила ко мнѣ подъ ноги, и я чувствовалъ, какъ она вздрагивала вся до послѣдней дрожинки: кто посмотритъ, того застрѣлятъ!

Казалось, и конца не будетъ, такой медленный путь, такой долгій мостъ, такой длинный поѣздъ.

И когда, наконецъ, переѣхали мостъ, солдаты спрыгнули и закрыли вагонъ, долго никто не подавалъ го-

лоса и головы не подымалъ, хоть и не было страха, что вотъ возьмутъ и застрѣлятъ.

И опять поѣздъ помчался. И трясло, что усидѣть было трудно. Такъ неслись до другого моста.

Все, что было, и, казалось навсегда прошло, вновь повторилось. Снова раскрыли вагонъ, вскочили солдаты и подъ ружейнымъ дуломъ потянулся безконечный путь.

— Кто посмотритъ, того застрѣлятъ!

Тутъ случилась со мной странная вещь, я заснулъ и во снѣ попалъ куда-то въ поле, и все бы хорошо, да словно на арканѣ меня держитъ кто-то... вдругъ рванулъ и я проснулся. И увидѣлъ лицо солдата не того, который въ насъ цѣлилъ, а крайняго, который прицѣливался въ кого-то, кто былъ за мостомъ, и я пораженъ былъ необыкновеннымъ сходствомъ лица его съ моимъ сосѣдомъ, сидѣвшимъ противъ меня: и у того и у другого видно было, какъ напрягались всѣ мускулы, и мелкая дрожь осыпала кожу.

И я подумалъ:

„Если насъ всякую минуту пристрѣлить могли, то и солдатъ этихъ, цѣлившихся куда-то туда и въ насъ, тоже пристрѣлить могли, — кто-то за мостомъ, должно быть, въ нихъ прицѣливался.

И вотъ мы, тридцать душъ, подъ ружейнымъ дуломъ и трое солдатъ, цѣлившихся куда-то за мостъ и въ насъ, всѣ мы съ однимъ чувствомъ, какъ я теперь ясно понялъ, медленно проѣзжали долгій второй мостъ.

Казалось, и конца не будетъ: такой медленный путь, такой долгій мостъ, такой длинный поѣздъ.

Богъ пронесъ, благополучно проѣхали и этотъ мостъ, солдаты закрыли вагонъ, и опять поѣздъ помчался.

— Куда? Не въ Россію?

И не въ Данцигъ.

Поѣздъ мчалъ назадъ отъ Данска по берлинской дорогѣ.

Неужто назадъ въ Берлинъ!

Черезъ пріоткрытую дверь намъ видны были станціи, переполненныя солдатами. Мы ѣхали по дорогѣ къ Берлину. Было жарко въ вагонѣ и мучила жажда. Безъ ѣды человѣку и день и два можно, а безъ питья куда труднѣе. Намъ было трудно, а дѣтямъ совсѣмъ было плохо. Жалко было смотрѣть, а помочь нечѣмъ.

Мнѣ иногда казалось, что все это во снѣ снится, и не могу я проснуться. И сосѣдка моя, странная барышня, была совсѣмъ, какъ изъ сна.

Когда въ Ильинскую субботу въ Берлинѣ я протиснулся въ первый попавшійся вагонъ—въ спальный, тамъ въ проходѣ оказалось и еще нѣсколько человѣкъ такихъ же, какъ я, съ билетомъ неспальнымъ, и эта барышня. Барышня на первыхъ парахъ намъ рассказала, что потеряла свою мать и маленькую сестру,—мать ея и сестра попали въ другой поѣздъ, но скоро о матери совсѣмъ какъ-то забылось, а впослѣдствіи, въ Алленштейнѣ, о матери она ни разу не упомянула, а говорилось о какомъ-то важномъ дядѣ, который живетъ въ санаторіи въ Берлинѣ, гдѣ и она жила. Барышня ѣхала въ Петербургъ къ родителямъ... Однимъ говорила она, что она чешка, другимъ, что воспитывалась съ Лифляндіи, а третьимъ, что она нѣмка. Съ первыхъ же словъ не безъ задору заявила она, что она австрійская подданная, а потому врагъ всѣмъ намъ, русскимъ. А въ Торнѣ, на большой остановкѣ, когда она особенно ласково и игриво повернулась къ проходившему офицеру, тотъ ей грубо замѣтилъ:

„Уберите свою морду, я вижу съ кѣмъ имѣю дѣло“!

Странная, очень странная барышня.

И за всю дорогу ничего враждебнаго отъ нея никто

изъ насъ не видѣлъ, напротивъ, и одна слѣпая старуха, на всѣ четыре стороны отпущенная изъ больницы послѣ операціи, какимъ-то чудомъ втиснувшаяся въ нашъ берлинскій спальный вагонъ, безъ нея просто бы пропала, — барышня ухаживала за нами. Заявляя солдатамъ, что она подданная австрійская, она получала большія льготы, и въ Алленштейнѣ ее пропустили въ городъ, и тогда принесла она намъ бутербродовъ, а тутъ на всякой остановкѣ она высывалась изъ вагона, заговаривала, спрашивала, добиваясь, куда насъ везутъ. Вела она себя необыкновенно вольно и около нашего вагона шли разговоры легкіе и веселые, совсѣмъ не подъ стать вагону, и постоянно слышался смѣхъ. Что-то стрекозиное было въ существѣ ея съ неумоимостью и беззаботностью, довольно высокая, очень тонкая, ничего себѣ барышня, только глаза какіе-то—пустые какіе-то до жестокости, и она никому не смотрѣла въ глаза, словно сама это чувствовала. Непонятно было, зачѣмъ она ѣхала съ нами въ нашемъ телячьемъ вагонѣ, гдѣ даже уборной не полагалось, и терпѣла съ нами и голодъ и жажду. Она позеленѣла вся, а ни разу не пожаловалась... жаловаться? — она смѣялась не меньше, чѣмъ тамъ, въ берлинскомъ спальномъ вагонѣ, наша странная барышня.

Барышня добивалась узнать, куда насъ везутъ, и зачѣмъ кружатъ по дорогамъ, но и ей толкомъ никто не могъ отвѣтить.

Такъ до самаго вечера въ полной неизвѣстности мы все ѣхали и ѣхали. И странно: обыкновенно загадываешь, что съ тобой дальше будетъ, а тутъ всѣ мысли повернулись только къ настоящему, только къ одной минутѣ, за которой, казалось, ровно ничего не было. На остановкахъ нашъ вагонъ пріотворяли, но изъ вагона нельзя было выйти. Стали попадаться вагоны съ запасными. Запасные, узнавая русскихъ, гикали и кричали вслѣдъ:

— Смерть! Смерть! Смерть!

— Парижъ возьмемъ, до Петербурга доберемся!—
грозили.

— Смерть! Смерть! Смерть!

И было жутко отъ ихъ крика и угрозъ, и дѣти забирались къ ногамъ, какъ отъ ружейнаго дула.

— Смерть! Смерть! Смерть!

На одной остановкѣ наша странная барышня узнала, что отъ Крейца поѣздъ повернетъ на Шетинъ-городъ, туда и повезутъ насъ, въ Шетинъ.

На волѣ погасаль вечеръ и въ нашемъ вагонѣ совсѣмъ темно стало. Зажгли чуть маленькій огонекъ, и, успокоенные Щетинымъ, гдѣ и намъ будетъ передышка, стали мы готовиться къ ночи, претерпѣть какъ-нибудь ночь до утра.

Когда я думалъ о пути въ Россію, я готовился ко всякимъ трудностямъ и предполагалъ какія угодно опасности,—конечно, могли взорвать мостъ, конечно, можно было попасть подъ перестрѣлку!—и думая о всякихъ нечаянностяхъ и готовясь къ всякимъ неприятностямъ, мнѣ и въ голову не приходило, что можетъ случиться еще и такое, чего и во снѣ мнѣ не снилось.

Не доѣзжая Крейца, нашъ поѣздъ остановился. Барышня пріотворила дверь и по обыкновенію высунулась изъ вагона. И сразу послышались голоса—противъ нашего поѣзда стоялъ поѣздъ съ запасными. Судя по голосамъ, народъ былъ нетрезвый, галдѣли.

— Тутъ русскіе?

— Какіе русскіе,—весело отвѣтила барышня,—я австрійская подданная.

И пошелъ разговоръ, тары-бары: барышня понравилась. Барышня рассказала солдатамъ, что и отецъ и дѣдъ ея были солдаты, и готовы были умереть за родину. Она говорила съ большимъ одушевленіемъ, какъ самую чистую правду.

— А русскихъ тутъ нѣтъ?—опять спросилъ кто-то.

— Тутъ больныя дамы,—сказала барышня и опять такъ убѣдительно, что на нѣкоторое время никто и не подумалъ усумниться и занялись самой барышней.

Барышня очень понравилась и они убѣждали ее войти къ нимъ въ вагонъ и ѣхать съ ними до границы. Барышня не возражала, она охотно все исполнить, но... она не можетъ оставить вагонъ, въ которомъ больныя дамы.

Давайте посмотримъ!

Тутъ женщины.

— Русскія женщины!—добавилъ какой-то хрипло.

И нѣсколько солдатъ, раздѣтые, въ однѣхъ фуфайкахъ, соскочили изъ своего вагона и направились къ нашему, телячьему.

Барышня замахала:

— Никого вы не найдете, вы только перепугаете. Слышите, нельзя ходить!—и крѣпко стала, загораживая входъ.

Товарный вагонъ высокій, войти въ него не очень легко, надо вотъ какъ подняться!—но одинъ хмурый съ голыми крѣпкими руками схватился за перекладину и полѣзъ.

— Чья-то мужская шляпа,—сказалъ другой, вглядываясь черезъ полуоткрытую дверь,—и не больные вовсе, мужчины словно.

— Русскіе.

— Русскіе, русскіе!—отозвалось въ поѣздѣ.

Барышня соглашалась: она пойдетъ въ ихъ поѣздъ, только они должны отойти отъ вагона. Барышня поѣдетъ съ ними.

— Женщины,—опять сказалъ кто-то.

Солдаты загоготали, ихъ ужъ много теперь повывскакивало изъ вагоновъ.

Нашъ вагонъ затаился, старались не выдать, не дышали, и вотъ какой-то одурѣлый—отъ бессонныхъ ли ночей, либо отъ голода,—сталъ подавать голосъ, что онъ пить хочетъ.

Барышня дѣлала знаки, чтобы замолчалъ, но онъ не унимался, онъ тянулъ свое, что пить хочеть.

— Я пить хочу!—сказалъ онъ настойчиво.

— Русскіе!—закричали у вагона,—тамъ русскіе!—и двое бросились съ другой стороны къ закрытой двери, чтобы открыть вагонъ.

Барышнѣ не вѣрили. Отталкивая, ужъ лѣзъ какой-то. Одна минута—и только воля Божья.

— По вагонамъ!—раздалась команда.

А нашъ поѣздъ рванулся и пошелъ. Куда—все равно ужъ куда!

Барышня изъ всѣхъ силъ ухватилась за дверь, чтобы задвинуть, и прищемила палець. И въ то же время полька въ бѣломъ бумажномъ платкѣ, схватившись за голову, закричала:

— Завьяла! Завьяла!

А ея сестра лежала навзничъ бѣлая, какъ бѣлый бумажный платокъ.

И другая женщина съ перекошенными глазами съ воемъ забила по полу.

Поѣздъ мчался. И стукъ колесъ не заглушалъ воя. Кто же услышитъ?—И некого кликать.

4.

Ужъ думали, и разсвѣта не будетъ. Перепуганные просидѣли ночь, ни на малую щелку не отворяя вагона, дышать нечѣмъ было, все терпѣли. И дѣти перетерпѣли ночь. Наша барышня только на пальчикъ дула, въ какой сталъ, почернѣлъ.

Утромъ рано пріѣхали въ Шетинъ-городъ, и наконецъ-то изъ вагона насъ высадили.

— Тутъ намъ будетъ передышка.

— Вонъ тамъ, въ свинарнѣ на соломѣ отдохнете!—показывалъ солдатъ дорогу.

И намъ, натерпѣвшимся въ телячьемъ вагонѣ, свинарня показалась раемъ небеснымъ. И на самомъ

дѣлѣ, помѣщеніе просторное и соломы вдоволь, и солома чистая, ну, чѣмъ не рай, правда, подъ соломою слѣдъ свиной липкій, да что подѣлаешь, не дома, война идетъ, и еще претерпѣть надо. Вѣдь, мы для нихъ кто же?—сметіе, такъ—сорь, не больше. Ну и досталась намъ на долю свинарня.

Насъ не тридцать, не триста, насъ три тысячи душъ размѣстились на соломахъ въ свинарнѣ. Коли хочешь, можешь выйти на площадь, а не хочешь, лежи на соломахъ.

На площадь передъ свинарней мальчишки-потѣшныя—молодая Германія, такъ сами они себя величали—подвозятъ на автомобиляхъ молоко и какао. Тутъ же на площади и продаютъ.

Трудно протиснуться, всѣмъ хочется поскорѣе, и я съ большимъ трудомъ добылъ себѣ чашку какао. Горяченькаго-то хорошо выпить. Слава Тебѣ, Господи, насытился! И теперь съ легкимъ сердцемъ пошелъ бродить по площади, заглядывая, куда можно.

Въ сосѣднемъ помѣщеніи, въ другой свинарнѣ, лежали гладкія розовыя свиньи.

— Пришлось заколотъ не мало,—объявилъ мнѣ солдатъ,—ужь очень народу много, некуда васъ поставить!

Тѣда насыщала, пошли разспросы и разговоры. Все, что отъ солдатъ о войнѣ слышно было, все передавалось, какъ достовѣрное и несомнѣнное.

Говорили:

— Либава горитъ. Варшава взята. Революція. Балтійскій флотъ разбитъ. Петербургъ осажденъ. Финляндія вооружается.

Говорили:

— Пятьдесятъ казаковъ взято въ плѣнъ. Японія объявила войну.

И опять:

— Пятьдесятъ казаковъ взято въ плѣнъ.

Слушаю и вдругъ вспоминаю, какъ въ послѣдніе дни въ Берлинѣ наша пансіонная горничная Ида, за два дня до мобилизаціи сообщившая намъ, что ея баринъ-офицеръ въ субботу на войну ѣдетъ—на русскую границу, съ плачемъ говорила, какая Россія такая большая, и казаки! И мнѣ ясно, какой это страхъ пустилъ слухъ о сдавшихся въ плѣнъ казакахъ.

— А вы слышали,—говорю я легковѣрнымъ моимъ спутникамъ,—французскіе летчики засыпали бомбами Нюренбергъ!

Среди шатающихся по площади встрѣтились мнѣ съ забинтованной головой, они все озирались и говорили какимъ-то придушеннымъ голосомъ,—это изъ Ростока, гдѣ напали на нихъ и избили.

— Если бы не солдаты, живу не быть—говорилъ одинъ избитый,—спасибо, въ тюрьму отвели.

Были среди нихъ и женщины.

И только одного я встрѣтилъ: длинный, какъ шесть, съ необыкновенно добрыми глазами, ободранный, съ вырваннымъ карманомъ, онъ выѣхалъ, какъ и мы, въ Ильинскую ночь, только на другую границу, и гнали его съ другой партіей и ни въ какомъ телячьемъ вагонѣ... правда, и въ простомъ человѣчьемъ вагонѣ не очень-то пришлось ему сладко, а все-таки...

— Самъ начальникъ станціи намъ ведрами воду носилъ!

Но и этотъ рассказъ о начальникѣ станціи никого не умирилъ: съ забинтованной головой ошарашанные лѣзли въ глаза неотступно.

Наслушавшись всякихъ страховъ, я вернулся въ нашу свинарню. Тамъ я встрѣтилъ старыхъ знакомыхъ. Тамъ, прихрамывая, съ опухшими ногами, переходила изъ угла въ уголь барышня, у которой тогда отнялись ноги, и что-то затаенное, сосредоточенное стояло въ ея молодыхъ глазахъ, и красивый старикъ военный, почернѣвшій весь, сидѣлъ, закутанный пледомъ,—жалко было смотрѣть на старика.

И та нянька съ безвозвратнымъ лицомъ, на сторонѣ которой оказалась правда,—повезли, вѣдь, не кинули!—все съ узелкомъ копалась, собирала послѣднія крохи для дѣтей, и въ лицѣ ея была какая-то застывшая безповоротная рѣшимость, какъ у нашего простого сѣраго солдата, итти хоть на край свѣта, безропотно и молчаливо, пока не свалитъ. Тамъ съ матерью сидѣла Ира, дѣвочка бѣлокоска, грустенькая съ поблѣднѣвшимъ личикомъ, и какъ-то молчаливо, больше ужъ не спрашивала, „что сказалъ офицеръ?“ Да и куда ей было спрашивать: порастеряли дорогой игрушки любимыя!

— Мамочка, — вдругъ говоритъ Ира, — мамочка, мнѣ бы только медвѣдюшку... безъ лапковъ!

— Достанемъ, дѣточка, дай, домой пріѣдемъ и онъ прибѣжитъ.

— Мамочка,—Ира смотритъ и въ глазахъ ея такая глубокая вѣра,—какъ прибѣжитъ?

— Ножками дѣточка.

— Ира,—говорю бѣлокоскѣ,—а у меня лягушонка пропаль, ой, какой былъ лягушонокъ! я его возилъ съ собой въ Римъ городъ.

Ира собираетъ солому,—это на память. И я взялъ одинъ колосокъ—и мнѣ на память.

Къ вечеру свинарню заперли, пересчитали всѣхъ, и погнали на пароходъ. Толпа озвѣрѣвала. И было такъ же, какъ въ Берлинѣ на вокзалѣ въ канунъ Ильина дня: мѣста расхватывали силой. И женщины и дѣти остались безъ мѣста на палубѣ. Или ужъ на бѣломъ свѣтѣ рыцари всѣ перевелись? Или совѣсти такъ мало въ мѣрѣ осталось?

Долго нагружали пароходъ.

— Куда?

— На островъ Рюгенъ.

— Высадятъ на островъ и тамъ оставятъ.

— Картошку копать!—пустилъ какой-то.

И ужъ въ огняхъ пароходъ отчалилъ.

Ночь прошла въ страхахъ.

И не то пугало, что высадятъ на островъ и тамъ оставятъ картошку копать, объ этомъ пока мало думалось. Кто-то сказалъ, что пароходъ всякую минуту можетъ наскочить на мину. И одни не спали отъ страха, другіе потому, что угла не находили, гдѣ бы прилечь можно, а третьимъ просто сна не было. Вся палуба и всѣ проходы были заняты.

„Только бы до утра дотянуть, а тамъ будь что будетъ“,—такъ одна выговаривалась ночная дума.

А ночь была долгая.

Солдаты, обыкновенно, не разговорчивые, если спросить о дѣлѣ, и разговорчивые о всякихъ слухахъ, тутъ, на пароходѣ, подобрались совсѣмъ, какъ нѣмые, и особенно одинъ, такой былъ угрюмый. Утромъ, когда ужъ виденъ былъ островъ, я съ своимъ чемоданомъ протѣснился на палубу, и сталъ прямо противъ солдата, и послѣ безсонной ночи показался онъ мнѣ, безсонный, еще угрюмѣй. Я смотрѣлъ на островъ, на священный Рюгенъ, гдѣ когда-то въ Арконѣ стоялъ Свѣтовидъ—нашъ Перунъ златоусый, и я думалъ о далекихъ сѣдыхъ временахъ и забытыхъ. И вотъ случайно перевелъ глаза и не узналъ солдата: это былъ совсѣмъ не тотъ, ну совсѣмъ другой—солдатъ разговаривалъ съ какой-то польской дамой; прислушиваюсь, разговоръ не нѣмецкій. Дама куда-то скрылась. Я подвинулся еще и ужъ глазамъ не вѣрилъ: солдатъ держалъ на рукахъ ребенка.

— „Ѣде панъ, капитанъ...“—напѣвалъ солдатъ, покачивая ребенка.

И до самага острова, какъ стать намъ, лицо у него сіяло, и всѣмъ, кто бъ его спросилъ, онъ давалъ отвѣты. Онъ говорилъ по-нѣмецки, но за каждымъ нѣмецкимъ словомъ слышалось другое.

— „Бде панъ капитанъ...“ — напѣвалось гдѣ-то неотвязно.

И я подумалъ:

„Вотъ оно какъ, землякъ, видно, земляковъ, встрѣтилъ!“

Рюгенъ священный, славянская Руя, святая Аркона, Пароходъ тихо остановился.

Насъ, не тридцать, и не триста, насъ три тысячи душъ высадили на пустынный открытый берегъ и кинули на вѣтеръ. Вѣтеръ гулялъ по берегу широкій и не было отъ вѣтра затулы.

— Кто пойдетъ въ городъ, того разстрѣляютъ!

„А если въ правду тутъ оставятъ?“—и теперь эта мысль всѣмъ завладѣла.

Вѣтеръ пронизывалъ, и не было гдѣ схорониться. Раздраженные бродили люди по берегу, другіе расположились на землѣ, какъ цыгане, и ежились подъ вѣтромъ.

— Кто пойдетъ въ городъ, того разстрѣляютъ!

И только одну нашу странную барышню пропустили въ городъ. Тамъ она накупила намъ всякаго съѣдобнаго, а главное, принесла вѣсть.

— Пароходъ придетъ къ вечеру и всѣхъ повезетъ въ Швецію!—сказала намъ наша странная барышня.

И на время повѣрили и, уплетая съѣдобное, размечтались. Тутъ и о багажѣ своемъ вспомнили: выдадутъ ли его или сожгутъ, какъ страшали.

— У меня тамъ драгоцѣнные самоцвѣтные камни и жемчуга у меня тамъ, за много лѣтъ большими трудами собралъ я,—слова, какъ камни самоцвѣтные, и слова, какъ жемчуги, народа нашего, я хотѣлъ вѣнецъ слить, убрать камнями, обнизать жемчугомъ—даръ народа русскаго на великую его святыню, на вольное страданіе.

Барышня ничего не понимала: какіе камни, какіе самоцвѣтные?

— У меня тамъ цвѣтки и травки отъ святыхъ древнихъ,—память вѣчнаго города, имъ и цѣны нѣтъ, въ тетрадки засушены, и образки и крестики...

„А ну, какъ не придетъ пароходъ?“—вдругъ схватило сомнѣніе.

Солнце свѣтило, ясный былъ день, и съ полдня стало совсѣмъ тепло. Но тревожно и жутко было подъ солнцемъ. Помѣшанные кричали, и Богъ знаетъ, чего только не было въ ихъ измученномъ крикѣ.

Какая-то дама все показывала на свою юбку и увѣряла, что въ карманахъ она везетъ бомбы, другая вырывалась, умоляя пропустить ее, и искала все паспортъ, который у нея отобрали.

И не помѣшанные мѣшались, взгляды были недоувѣрчивые и подозрительные, говорили шопотомъ, подозрѣвали чуть не всякаго: все казались шпионы, и самые добродушнѣйшіе, простые, безхитростные люди попали въ шпионы.

Барышня странная, конечно, сдѣлалась шпионкой. Я не знаю, кто была эта барышня, дурного она намъ ничего не сдѣлала, и теперь она прощалась съ нами, дальше въ Швецію она не поѣдетъ, она тутъ останется. И хоть увѣряла она, что пароходъ непременно придетъ, какъ-то ужъ и ей не вѣрилось.

„А ну, какъ не придетъ?“—схватывало сомнѣніе.

Нѣтъ, барышня была права, къ вечеру пришелъ пароходъ.

Голубой шведскій флагъ съ желтымъ крестомъ высоко развѣвался надъ палубой. Голубой шведскій флагъ съ желтымъ крестомъ сулилъ конецъ нашему плѣну, конецъ терпѣнію, конецъ пути полонному.

А тамъ за Варяжскимъ моремъ, тамъ скоро и близко Россія, куда во всѣ дни и ночи устремлялась душа, и безъ которой не надо и жизни, Россія. великая родина наша.

У Иры глазенки сверкали: и она поняла своимъ ма-

ленькимъ сердцемъ. И если будетъ помнить, будетъ она вспоминать и болѣть за свободу.

— Ира, скоро въ Россію!

— Въ Россію!—повторяла дѣвочка бѣлокоска и глазенки ея сверкали.

И та, что отъ радости заплакала, когда объявили, что всѣ поѣдутъ въ Россію, стояла на палубѣ, гордая и терпѣливая, какъ сама Россія, и гнѣвъ въ глазахъ ея, и проклятіе, а въ сердцѣ святая Русь, завѣтъ свѣтоносный милости и пощады.

— Въ Россію! Въ дорогу нашу Россію.

1914 г.

КУБИКИ.

Когда я слышу, какъ жестоко поступали тамъ съ тѣми не воюющими, только попавшими по всякимъ дѣламъ за-границу и въ большинствѣ больными, возвращавшимися съ теплыхъ водъ русскими, когда вспоминаю свой подружейный путь изъ Берлина черезъ Ольштынъ въ Щетинъ-городъ — полное терпѣніе наше и слухевые рассказы тѣхъ встрѣчныхъ, потерпѣвшихъ въ пути, съ проломленной головой, я знаю, многое изъ бывшаго ужасно, и все-таки думаю, взрослые мы и отвѣтить и постоять за себя можемъ, а главное претерпѣть многое можемъ, но я никогда не могъ примириться ни тамъ, въ телячьемъ вагонѣ, ни тамъ, на соломѣ въ свинарнѣ, что и дѣти ѣхали съ нами и дѣтей, какъ и насъ, таскали по этимъ телячьимъ вагонамъ и морили на соломѣ.

Нынче выбрался я на вокзалъ вещи посмотреть, — писали въ газетахъ, будто все сданное тамъ, а также и покинутое по дорогѣ, въ цѣлости до насъ доходить. Такихъ, какъ я, лишившихся всего достоянія своего и ужъ отчаявшихся получить что-нибудь, набралось душъ пять, и мы бродили по вокзалу около сундуковъ и чемодановъ всякихъ, высматривая, не окажется ли на наше счастье чего нашего? И сколько ни смотрѣли, а найти своего ничего не нашли. И служащіе, къ которымъ мы обратились за справкой, и самъ начальникъ станціи мало чѣмъ насъ утѣшили.

Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ. Жалко, и мнѣ особенно жалко, что тамъ вмѣстѣ съ вещами носильными и неносильными память осталась...

Душъ пять насъ бродило по вокзалу, козъ лупленыхъ, и вѣдь, оказался таки одинъ удачный, онъ изъ груды чемодановъ вытащилъ, наконецъ, свой,—дошелъ благополучно! И кажется, чего еще, забирай сундукъ да на извозчика и кати себѣ домой съ Богомъ, да не тутъ-то, тотъ счастливый и не думалъ за извозчикомъ бѣжать, а какъ и мы, бродилъ по вокзалу и что-то, какъ и мы, высматривалъ безнадежно.

Въ чемъ же дѣло?

А вотъ въ чемъ—и дѣло его безнадежно.

Возвращался онъ изъ-за границы и ни въ какомъ телячьемъ вагонѣ его не катали, ѣхалъ онъ въ обыкновенномъ человѣчьемъ, а ѣхалъ онъ не одинъ, а съ Костей, и везли они корзиночку съ игрушками, такъ поставили ее въ ногахъ, никому не помѣха, стоитъ себѣ, одно ухо зайчиное выглядываетъ: понасажалъ Костя въ корзинку звѣрей видимо-невидимо, все, вѣдь, пріятели, ни съ однимъ разставаться ему не хотѣлось. И случилась такая бѣда, проходилъ кондукторъ по вагону, зацѣпилъ ногой за корзинку, да не говоря ни слова, за окно ее, только и видѣли. Костя въ слезы, ... вѣдь, эти игрушки его, эти зайцы, этотъ медвѣдь, эти коробочки и боченочки и кубики всякіе для него, я даже и не знаю, что для насъ такое можетъ изъ вещей быть, вѣдь, для него они живые... мы это забыли и теперь понять не можемъ, какъ это такъ кубики живые!—Костя заплакалъ: жалко. Тутъ кондукторъ взялся за Костю и такъ отодралъ его за уши, что Костя больше не пикнулъ. Безъ корзиночки ѣхали дальше, все молчкомъ. А уши за дорогу принялись болѣть, вѣдъ какія вспухли, и какъ домой вернулись, пришлось уложить мальчика въ кровать.

Скучно Костѣ лежать въ повязкѣ, а еще скучнѣе оттого, что одинъ онъ лежитъ и не съ кѣмъ ему по

своему поговорить, нѣтъ больше пріятелей его. Гдѣ? Гдѣ-нибудь въ полѣ лежать закинуты!

— Я, папочка, ничего, уши подживутъ, папочка дорогой, папочка, принеси мнѣ корзиночку зайцеву!— сталъ просить Костя, когда дошло и до него въ дѣтскую, большіе разговаривали, будто весь багажъ изъ-за границы приходитъ и на вокзалѣ вся платформа завалена.

А тутъ съ ухами хуже стало, разбередилъ что-ли...

— Папочка, принеси мнѣ, папочка, одного только зайченка того!

Только одного зайченка просить.

Вотъ въ воскресенье отецъ и пошелъ на вокзалъ, вотъ и отыскалъ свой чемоданъ—дошелъ благополучно!— а корзиночки-то, выброшенной за окно, съ игрушками Костиными, знать, не найти. И ужъ вещей этихъ, чемодана, не надо ему и лучше бы сожгли ихъ, какъ по дорогѣ грозили. Какъ онъ вернется? Какъ Костя на него посмотритъ, какъ встрѣтитъ?

Вѣдь, ждать!

Только одного... одного зайченка просиль.

— Папочка, а зайченка?

И какъ горько заплачетъ, когда узнаетъ, что никакого нѣтъ зайченка. А гдѣ же? Да гдѣ-нибудь, въ полѣ, закинуть.

— Папочка, папочка, за что жъ моего зайченка?

И какъ больно замучается отъ обиды немудреное сердечко.

А зайченокъ, а медвѣдь, а коробочки и боченочки и кубики всякіе, никому не нужные, только Костѣ, и живые для Кости, и по правдѣ живые живымъ чистымъ сердечкомъ Кости, тамъ на полѣ заброшенные, тамъ подъ осеннимъ дождемъ вмѣстѣ съ хлѣбами затоптанными на небо вопіютъ къ Богу за первую и горькую обиду.

СВѢТЪ НЕОБОРИМЫЙ.

Святозерская повѣсть.

Подъ городомъ Костромою есть озеро святое, у озера стоитъ часовня святая, въ часовнѣ хранится свитокъ—святая повѣсть, въ сердцѣ русскаго народа живетъ святая повѣсть, въ святомъ словѣ сердца свѣтитъ свѣтъ необоримый.

Во время нѣкое грѣхъ ради нашихъ попусти Богъ поганыхъ, и двинулись полки ихъ на русскую землю. Много поплѣнили, многіе грады повоевали—Галичъ, Вологду, Ярославль, и, безчисленные постокающе люди, проліяли кровь ихъ. И, разоряюще христіанское житіе, пошли проклятые отъ Ярославля Волгою рѣкою на городъ Кострому.

— Вотъ идемъ и потребимъ ихъ отъ земли!

И пришли, стали между рѣкою Волгой и рѣкою Костромой близъ города Костромы, превозносились окаянные, высились, гордились на всю русскую землю.

— И убію мечомъ моимъ русскихъ князей и господствовать ими будетъ моя рука и не помянется болѣ русское имя!—превозносился, высился, гордился царь ихъ, прегордый Батый.

Услышалъ благовѣрный великій князь Василій и велѣлъ собрать все свое войско противъ безбожныхъ, самъ пошелъ во святую соборную церковь къ великомученику Фёдору Стратилату.

Тамъ пѣли молебное пѣніе со слезами и воздыханіемъ.

Стоялъ князь Василій передъ образомъ Божіей Матери, затужился, загоревался, умереть хотѣлъ за всю русскую землю.

„Боже, пришли языцы въ Твое достояніе и осквернили церкви святыя, положиша трупія рабовъ Твоихъ брашно птицамъ небеснымъ и плоти преподобныхъ Твоихъ звѣрямъ земнымъ, проліяя кровь ихъ, какъ воду. И паки, Господи, воздвигни силу Твою, приди и спаси насъ. Буди путь ихъ тьма и ползокъ, и ангель Господень, оскорбляя, погонитъ ихъ! Господи, пролей гнѣвъ Твой на языцы, не знающіе Тебя, и на царствія, не призывающія имени Твоего!“

И стоялъ князь передъ образомъ, умереть хотѣлъ за всю русскую землю.

„Молитвы своихъ рабовъ пріими, Богородице, заступница и прибѣжище наше! И къ кому прибѣгнемъ, развѣ Тебѣ, Владычице, Ты покровъ, Ты заступленіе наше, и нынѣ не остави насъ до конца погибнути, избави градъ сей, спаси нашу землю и люди Твоя отъ нашествія иноплеменныхъ. Помяни рабы своя и не презри слезы, да съ радостью утѣшимся, Ты покровъ, Ты заступленіе наше, не остави насъ до конца погибнути!“

Стоялъ князь передъ образомъ, хотѣлъ умереть за всю русскую землю.

Тамъ пѣлось молебное пѣніе со слезами и воздыханіемъ.

И повелѣлъ благовѣрный великій князь Василій воспріять съ собой икону Пресвятой Богородицы и нести ее честно передъ малымъ полкомъ своимъ противу ратныхъ.

Не съ гордостью, но со смиренною мудростью, кротко молясь о помощи, выступило изъ города русское войско съ своимъ благовѣрнымъ великимъ княземъ Василіемъ. И отошедъ отъ города поприща два

или въ далее мѣсто, стали у озера близъ несмѣтныхъ полковъ, извлекшихъ оружіе и напрягшихъ лукъ свой сострѣлять и заколотъ правыхъ сердцемъ, готовыхъ умереть за русскую землю.

И вотъ внезапно отъ пречистаго образа Божія Матери возсіяли лучи свѣтлѣй и жарче лучъ солнечныхъ, взбульливались и были, какъ самый огонь жгучъ и палящъ и нападающъ, — неборимый свѣтъ. И отъ свѣта того и озаренія всѣ противные полки смятошася, и многіе изъ нихъ ослѣпли, и не узнали другъ друга, и вошелъ въ нихъ страхъ и трепеть, и оружіе ихъ вниде въ сердца ихъ и лукъ ихъ сокрушился, — какъ столбы повалились.

Тогда русскіе напали на нихъ и побили ихъ многое множество и съ прегордымъ царемъ ихъ.

Отполонивъ всѣхъ плѣнниковъ, радуясь о чудеси Пресвятой Богородицы, возвратился благовѣрный великій князь Василій въ городъ и съ нимъ его войско, честно преднося чудный образъ Божіей Матери.

И пришедъ въ святую соборную церковь къ великомученнику Ѳедору Стратилату, поставили икону, благодаря Бога, что не презрѣлъ мольбы и заступленіемъ Богородицы и малое и вѣрное войско не далъ въ посмѣхъ и поруганіе поганому наитію.

И была великая радость въ городѣ Костромѣ, и не токмо въ Костромѣ, а и по всей землѣ русской.

Плѣнные же, освободившись отъ загибшей работы и напрасныя смерти, каждый возвратился на свою сторону, разнося вѣсть, како избави ихъ изъ рукъ вражьихъ.

На мѣстѣ же томъ, гдѣ стоялъ пречистый образъ Божіей Матери, поставили крестъ и часовню. И прослыло то мѣсто святое и озеро святое и святая память о свѣтѣ неборимомъ.

Неборимому свѣту заступающаго сердца слава и нынѣ.

О ДНЯХЪ ПОСЛѢДНИХЪ.

По списку червоно-русскому.

1.

ЦАРИЦА МАЙДОНА.

Въ послѣдніе дни и лѣта будетъ царствовать на землѣ царица Майдона.

Четыре лѣта злomu ея царству,—четыре лѣта великой бѣды и горя.

За наши дѣла и мысли попуститъ Богъ злomu царству, ибо дале, дале размножится зло въ людяхъ, неправда, несправедливость, ненависть и ложь: отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата, сосѣдъ на сосѣда,—во дворахъ, въ домахъ, по улицамъ, по дорогамъ и на распутіяхъ крестныхъ.

Увы мнѣ, міру ничтожный! Отъ старца до отрока всѣ прикоснулись къ единой чашѣ,—злоба, лукавство, неправда. Увы мнѣ, злобный міре! Увы, горе! Увы бѣда! Такъ полно неправды. Увы мнѣ, темный Вавилоне! Кто исчерпаетъ твою бѣду или кто до конца расскажетъ о твоёмъ грѣхѣ! О многомъ помолчу и слезами затру мои горькія строки.

Увы мнѣ, свѣтъ темный!

Въ послѣдніе дни и лѣта будетъ царствовать на землѣ царица Майдона.

Четыре лѣта злomu ея царству,—четыре лѣта великой бѣды и горя.

Безстудная, она осквернитъ алтари святыя, будетъ ругаться святымъ иконамъ и крестъ Христовъ наречетъ висѣлицей. Силой красоты своей царской обольститъ она сердца человѣкомъ, царица, назоветъ себя богиней и будетъ злорѣчить и хулить небеснаго Бога.

На лобномъ мѣстѣ станетъ она передъ лицомъ народа, будетъ въ небо грозить.

— Ну, что же Ты, —воскликнетъ она къ небесному Богу,—живешь на небесахъ, а ни я, ни мои люди не хотятъ знать Тебя. Что теперь измыслишь, что подѣлаешь, да Ты слышишь ли? Я церковь Твою разрушила, я законъ Твой попрала, я вѣру Твою искоренила. Сама на моей землѣ я дала свою заповѣдь, по своей волѣ и свой законъ, какъ сама захотѣла. Что же сдѣлаешь мнѣ Своимъ божествомъ, чѣмъ отвѣтишь на мою силу! И къ единому волосу на моей головѣ Ты не посмѣешь прикоснуться,—вотъ моя сила, вотъ моя воля, вотъ моя власть. Моя слава одолѣла и затмила всю Твою славу! Ну же, Боже!

О, Боже, долготерпѣливый...

Не стерпѣлъ дерзкихъ словъ архангелъ. Великій воевода силы небесной, среди ангеловъ первый, гнѣвной звѣздой ринулся Михаилъ архангелъ съ небесъ на землю.

Тамъ на лобномъ мѣстѣ, гдѣ передъ лицомъ народа грозила небесному Богу царица и богиня Майдона, видимо всѣмъ людямъ поднялъ архангелъ за волосы царицу и понесъ. И несъ, видимо всѣмъ людямъ, надъ моремъ, надъ пропастями. И вотъ, подрѣзавъ серпомъ, ударилъ ее скипетромъ въ грудь, и съ шумомъ великимъ полетѣла царица богиня Майдона въ пекельное царство на вѣчныя муки.

И шумѣла гроза, рваль вѣтеръ, и отъ страха сердце рвалось.

О, Боже милосердный...

Какъ дѣти, восплакались люди и принялись каяться и молиться.

-- О горе намъ, братіе, теперь погибаемъ!

Такъ кончилось царство безбожной царицы, — первое горе.

2.

ТРИ ЦАРЯ-БРАТА.

Три брата родные, царскіе сыны, будутъ царствовать на потрясенной землѣ.

Старшій братъ сядетъ царемъ въ Ерусалимѣ, середній братъ сядетъ царемъ въ Римѣ и третій, меньшей братъ, сядетъ царемъ въ Царьградѣ.

И будетъ межъ ними миръ и любовь, и согласіе, и злая память о царицѣ Майдонѣ погинетъ.

Три лѣта согласнаго братскаго царства — три лѣта миръ на землѣ.

По третьему лѣту завраждуютъ братья другъ съ другомъ, и настанетъ на землѣ второе великое горе.

Старшій братъ соберетъ свое войско отъ всего полуднія и востока и пойдетъ изъ Ерусалима на Римъ, и будетъ ждать противныхъ своихъ. Средній братъ соберетъ свое войско отъ запада и затворится въ Римѣ, и будетъ ждать противныхъ своихъ. Третій братъ соберетъ свое войско отъ всей полунощной безъ числа отъ дѣтей до старцевъ и пойдетъ изъ Царьграда на Римъ и будетъ ждать противныхъ своихъ.

Такъ сойдутся братья у желѣзныхъ вратъ Рима на послѣднюю встрѣчу.

Радуйся, Риме, славный великій городъ! Твои

желѣзныя стѣны тверды, твои камни священны, гдѣ же царь твой?—застучать братья въ желѣзныя ворота.

Но имъ никто не отвѣтитъ, и будетъ тамъ тихо, какъ передъ лютой грозой.

И воскликнуть братья къ брату:

Выходи, выходи, брате, часъ твой пришелъ!

И вотъ растворятся желѣзныя ворота и, какъ саранча, выступитъ войско, и тяжело тогда будетъ землѣ.

И скажетъ братъ братьямъ:

— Слышите, братья мои, послушайте меня, зачѣмъ губить намъ людей нашихъ, вѣрнѣй будетъ намъ, царямъ, сразиться другъ съ другомъ, и кто осилитъ, тому и быть царемъ всего свѣта.

Братья одобрили царское слово.

Передъ войсками на коняхъ съѣхались три брата, ударили мечомъ и бились сильно, и пали всѣ трое мертвы.

Видя такую смерть братьевъ-царей своихъ, замѣшались люди, отчаяніе напало на нихъ, и ни одно войско не захотѣло уступить другому.

— Цари наши пали, пускай же и мы падемъ за нихъ!—съ крикомъ наступитъ войско на войско.

И станутъ биться. И будетъ крикъ, голка и сѣчь—такая война, какой не бывало отъ начала міра и не будетъ. Отъ людского крика, страха, трубъ и стрѣльбы, отъ конскаго бѣга, пороху, гула и дыма свѣтъ померкнетъ и земля потрясется.

И падутъ всѣ три войска мертвы, и ни одинъ отъ нихъ не останется живымъ. Будетъ безъ числа труповъ, кровь потечетъ, какъ рѣки. Въ крови потонутъ кони. Трупы съ кровью поплывутъ въ море. На версты и версты замѣшается море съ кровью.

Горе тогда будетъ оставшимся на землѣ людямъ,—не будетъ дома безъ вдовы, будутъ семь женъ искать одного мужа и не найдутъ.

Тогда, въ то злое время, почуявъ бѣду земную, набѣгутъ изъ-за горъ одноглазые незнаемы люди и

возьмутъ подъ свою власть землю, разрушать храмы, поработятъ живущихъ, и сядетъ въ Царьградѣ вождь ихъ — салтанъ безбожный править землею и мучить въ тяжкой работѣ.

Какъ подбитые звѣри, восплачутся люди, не словами, горькимъ сердцемъ возмолятся къ Богу въ неизбывномъ горѣ.

3.

ПОСЛѢДНІЙ ЦАРЬ.

Послѣ тяжкихъ годовъ неволи наступятъ добрыя лѣта, радостныя и тихія,—пошлетъ Богъ царя на землю.

Божіимъ повелѣніемъ отъ востока придетъ на землю послѣдній царь Михаилъ. Разбѣгутся, разсѣются за горы передъ лицомъ царевымъ лихіе люди въ мѣста пустыя.

Сядетъ царь Михаилъ въ Ерусалимѣ и будетъ царствовать на землѣ тридцать лѣтъ, самодержецъ, царь всей подсолнечной.

Богобожный и кроткій, утвердитъ царь Михаилъ правую вѣру, отъ моря и до моря на всѣ четыре стороны свѣта понастроитъ онъ церквей Божьихъ. И въ тихіе годы умирится земля и откроется сердце чело-вѣческое другъ для друга, перекуютъ мечи на рало и плуги, отворятъ скрытыя сокровищницы: золото, серебро, жемчуга, драгоцѣнные камни,—всѣ люди обогатятся, каждому будетъ всего вдоволь и не будетъ завидящаго, ни просящаго, ни разбойниковъ, будетъ едино стадо и единъ пастырь.

Такъ минетъ двѣнадцать кроткихъ лѣтъ царства царя Михаила, и въ тринадцатый годъ повелѣніемъ Божіимъ придетъ на землю Антихристъ.

Онъ родится въ Капернаумѣ, первые годы проведетъ въ Зипѣ, первую власть получить въ Виѣсаидѣ.

„Горе тебѣ, Капернауме, горе тебѣ, Зипе, горе тебѣ,

Хоразане, до облакъ вознесешья и падешь до ада“!

Онъ придетъ послужить къ царю Михаилу, царь его знать будетъ, и онъ будетъ знать Михаила. И сдѣлаетъ его царь Михаилъ у себя старшимъ слугою.

Несказанно прекрасный въ золотой ризѣ, блещущей лучами, какъ солнце, будетъ онъ всѣми любимъ и отъ всякаго будетъ почетъ ему и желаніе, и никто не узнаетъ, что онъ есть сынъ погибели—Антихристъ.

И когда подойдутъ къ концу дни и лѣта, и времена царству царя Михаила, измѣнится слуга его первый, и начнетъ ходить по своей волѣ, знаменуя дѣломъ своимъ грядущее безпощадное царство. И точно взбѣсятся люди, канетъ чистота и правда, и вѣра въ мірѣ, и снова сердце человѣческое глухо замкнется. Будетъ царь Михаилъ совѣстити народъ свой, остерегать, поминая гнѣвъ Божій, но совѣсти не станетъ въ людяхъ, его ужъ перестанутъ слушать, и простыхъ его словъ не поймутъ.

Такъ исполнятся тридцать лѣтъ, и придетъ послѣдній день царства послѣдняго царя. И въ свой послѣдній день соберетъ царь Михаилъ своихъ вѣрныхъ, взойдетъ съ ними на гору Голгоѳу и, ставъ тамъ на мѣстѣ крестномъ, начнетъ со слезами упрашивать вѣрныхъ до конца стоять крѣпко въ вѣрѣ, не поддаваться и не слушать врага, и, поминая грядущую кару и гнѣвъ Божій, возвѣститъ имъ кончину свѣта сего.

Обернувшись на востокъ солнца, начнетъ царь послѣднюю свою молитву и будетъ горячо молиться о всемъ мірѣ, за всѣхъ людей, и будетъ горячо молиться кровавыми слезами, чтобы смиловался Господь, утвердилъ и укрѣпилъ міръ въ правой вѣрѣ, въ единомыслии.

И, вставъ отъ молитвы, воздѣнетъ трикраты руки свои горѣ,—и вотъ снидетъ къ нему съ неба крестъ Христовъ и станетъ передъ нимъ.

Тогда сниметъ съ себя царь корону и вѣнецъ златой царскій, и положитъ на крестъ, и, павъ передъ нимъ, трикраты поклонится и поцѣлуетъ крестъ. И пойдетъ крестъ Христовъ съ короной и съ золотымъ царскимъ вѣнцомъ на небо къ Богу.

И ужаснутся люди, видя, какъ пойдетъ крестъ Христовъ съ короной и съ златымъ царскимъ вѣнцомъ на небо къ Богу.

Царь Михаилъ снова обратится къ вѣрнымъ своимъ, до земли имъ поклонится, и, со слезами совершивъ послѣднее прощеніе, обернется на востокъ солнца, трикраты поклонится и воздѣнетъ руки свои къ Богу, предавая духъ свой въ руки Божія.

И невидимая сила восхититъ его отъ очей людскихъ и вознесетъ туда, откуда пришелъ онъ на землю по повелѣнію Бога.

Такъ кончится царство кроткаго послѣдняго царя, самодержца, царя всей подсолнечной.

О, какъ горько восплачутся вѣрные, и, охватившись другъ съ другомъ, горько зарыдають:

— Горе намъ! Горе! Было у насъ полуденное солнце ясное, свѣтило тридцать лѣтъ, и вотъ мракъ и тоска. Горе! Горе! Съ чего начнемъ и какъ теперь жить?

Отъ моря и до моря, пожаромъ охватывая землю, какъ молонья, стала безпощадная власть, и наступала бѣда,—горчайшее горе и послѣднее.

1914 г.

ЧЕРВЛЕНЫЙ ЩИТЬ.

Пѣснь Игоревѣ... Лѣтопись наша—како избра Богъ русскую землю и грады почаша бывати, письма оттуда, съ полей страдныхъ, да деревенскія съ земли, да мои думы о землѣ родимой всегда и неразлучны.

О, русская земле! уже за шеломянемъ еси.

— Егоръ прислалъ письмо, что былъ это въ бою и находится живъ. Все были бои, а одинъ бой былъ очень силенъ. „Не знаю,—пишетъ,—какъ живъ остался!“ Только пишетъ, очень голодно, по три дня не ѣвши, да сильный холодъ тамъ, да дожди.

Ярославнинъ гласъ слышитъ...

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ...

Не въ Путивлѣ, за Волгой у Медвѣдицы на крути плачетъ Маша:

— Я теперь съ горя поднялась бы вверхъ, да у меня крыльевъ нѣту!

— Я бы пала на низъ, да у меня норъ нѣтъ!

О, русская земле...

Я вѣрю. Я слышу, необъятная—кондовая Русь и Русь казацкая—вся земля, съ Волги, съ Волохова, съ Дону, съ Днѣпра и съ великихъ вольныхъ сибирскихъ рѣкъ и съ печальной сестры своей Вислы, осѣненная святою Русью, подымаетъ за едину душу червленый щить.

Звенить слава, трубы трубятъ.

1914 г.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Стр. 5.—О свѣчѣ воску яраго см. Пѣсни П. В. Кирѣевскаго, М. 1864 г. Вуп. 6.

Стр. 6.—*Николинъ завѣтъ*.—Изъ олонецкихъ легендъ № 8. Этнографическое Обозрѣніе, М. 1891 г. № 4 (кн. XI).

Стр. 8.—*Никола милостивый*.—Сказки и преданія Самарскаго края Д. Н. Садовникова, СПб. 1884 г. № 91 и Народныя легенды А. Н. Афанасьева, М. 1914 г. № 10.

Стр. 43.—*Свѣтъ необоримый*.—По рукописи начала XIX в. «О побѣдѣ благовѣрнаго великаго князя Василя Георгіевича: како побѣди прегордаго Батыя царя». Изъ собранія Ивана Александровича Рязановскаго. (Кострома).

Стр. 46.—*О дняхъ послѣднихъ*.—Тексты по рукописи библиотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, напечатанные въ статьѣ В. Макушина: Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. СПб. 1881 г. сент.

Стр. 53.—Слово о плѣку Игоревѣ Игоря сына Святъславля внука Ольгова.

Вошедшіе въ эту книгу рассказы напечатаны были: въ газетѣ «Биржевыя Вѣдомости» №№ 14424, 14497, 14538, въ журн. «Вершины» № 1, въ журн. «Огонекъ» № 33, въ журн. «Отечество» № 5 и 7, и въ газ. «Послѣднія вечернія извѣстія» № 77.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
За святу Русь	5
Николинъ завѣтъ	6
Никола милостивый—угодникъ Божій	8
Полонное терпѣніе	13
Кубики	40
Свѣтъ необоримый	43
О дняхъ послѣднихъ	46
Червлєный щитъ	53
Примѣчанія	55
Содержаніе	59